

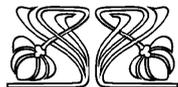
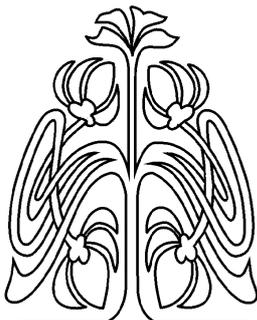
ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923:316.6

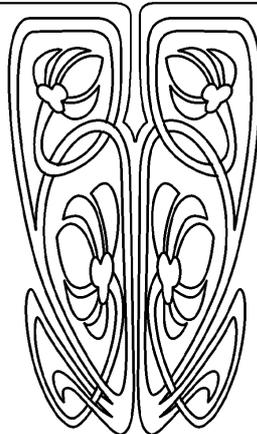
ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ*

В.В. Гриценко

Саратовский государственный университет,
Балашовский филиал,
кафедра общей и социальной психологии
E-mail: gritsenko@bf.sgu.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Представлены основные результаты исследования этнической идентичности как важнейшего показателя социально-психологической адаптации на примере выходцев из кавказского региона: азербайджанцев, армян, чеченцев, проживающих и имеющих крупные диаспоры на территории Саратовской области, а также коренного русского населения Саратовской области. Дан сравнительный анализ таких индикаторов этнической идентичности, как позитивность/негативность авто- и гетеростереотипов, чувств, испытываемых по отношению к собственной этнической группе, а также установки на межэтническое взаимодействие.

Ключевые слова: этническая идентичность, этнические авто- и гетеростереотипы, установки на межэтническое взаимодействие: этнонигилизм, этническая индифферентность, позитивная этническая идентичность, этнозоизм, этноизоляция, национальный фанатизм.

Ethnic Identity and Social-psychological Adaptation

V.V.Gritsenko

Basic results of our research of ethnic identity as a major indicator of social-psychological adaptation with some Caucasians by birth (Azerbaijanians, Armenians, Chechens) having large diaspores in the Saratov region and the indigenous Russian population of the Saratov region as an example are presented. A comparative analysis of such indicators of ethnic identity as the positivity/negativity of auto- and heterostereotypes, feelings experienced to their own ethnic group, and aims at interethnic interactions is given.

Key words: ethnic identity, ethnic auto- and heterostereotypes, aims at interethnic interactions: ethnonihilism, positive ethnic identity, ethnoegoism, national fanaticism.

В современных условиях понятие «этническая идентичность» становится одним из центральных в социальной психологии. Этническая идентичность рассматривается нами как составная часть социальной идентичности, фиксирующая осознание личностью своей принадлежности к определенной этнической общности, как «переживание индивидом отношения Я и этнической среды – своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других»¹.

В структуре этнической идентичности принято выделять два основных компонента: *когнитивный*, включающий в себя знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков и *аффективный*, предполагающий оценку качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства.

Этническая идентичность может иметь различную степень выраженности (или интенсивности) в зависимости от влияния таких факторов, как моноэтничность или полиэтничность среды проживания, социокультурная дистанция между контактирующими этносами, принадлежность к этническому большинству или меньшинству, степень дискриминации этнического меньшинства и др.

* Работа ведется при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-06-06141а).

Индивид, рассматривая себя как члена какой-нибудь социальной группы, включая этническую, стремится оценить ее положительно, поднимая таким образом статус группы и собственную самооценку². Позитивная этническая идентичность обязательно предполагает наличие не только позитивного образа собственной этнической группы, но и достаточно благоприятные образы других этнических групп. Следовательно, важнейшими индикаторами этнической идентичности будут выступать позитивность/негативность авто- и гетеростереотипов, чувства, испытываемые по отношению к собственной этнической группе, установки на межэтническое взаимодействие.

Позитивное представление о своей этнической группе, о своей культуре, удовлетворенность членством в этнической общности, желание принадлежать ей, гордость за достижения своего народа дают человеку ощущение психологической безопасности и стабильности.

Особую значимость позитивная этническая идентичность приобретает в условиях миграции. В окружении непривычной социальной среды, среди людей с несколько иным менталитетом, с другими мерками, обычаями, правилами, убеждениями, другим жизненным опытом принятие мигрантами своей этнической группы может выступать в качестве важнейшего показателя успешности их социально-психологической адаптации в новом обществе. И наоборот, наличие негативных чувств, связанных с этнической принадлежностью (вина, обида, стыд, униженность, ущербность и т.п.), говорит о кризисе этнической идентичности, который сопровождается, как правило, активизацией механизмов социально-психологической защиты и свидетельствует о дезадаптации мигрантов в новых условиях.

В настоящей статье мы ограничимся анализом результатов исследования этнической идентичности как важнейшего индикатора социально-психологической адаптации на примере этнических мигрантов из кавказского региона: азербайджанцев, армян, чеченцев, проживающих и имеющих крупные диаспоры на территории Саратовской области, а также коренного русского населения Саратовской области.

Актуальность исследования для такого поликультурного региона, как Саратовская область, обусловлена прежде всего тем, что область выделяется среди регионов РФ высокими показателями миграционного притока. Так, за 6 лет (1996–2001 гг.), по официальным сведениям, в Саратовскую область прибыло 131,4 тыс. чел. В общей массе прибывших в 2001 г. 57,4 % составили граждане республик Средней Азии и Казахстана, 31,6% – республик Кавказа³.

Исследование проводилось в населенных пунктах, отличающихся компактным и дисперсным поселением выходцев из Кавказа: в г. Аркадак и селах Софьино, Натальино Аркадакского района, г. Балашов и селах Пинеровка, Тростянка Балашов-

ского района, селах Святославка, Краснознаменское Самойловского района Саратовской области.

Выборка представителей четырех исследуемых групп уравновешена по основным социально-демографическим показателям: полу, возрасту, типу поселения. Общее число опрошенных составило 263 человека. Среди них 67 чел. – азербайджанцы, 71 – армяне, 58 – чеченцы и 67 – русские.

Перейдем к анализу основных эмпирических данных, полученных в ходе исследования.

Этнические автостереотипы и гетеростереотипы. В качестве одного из наиболее значимых показателей степени выраженности этнической идентичности или степени сформированности эмоционально-оценочного осознания принадлежности к этнической общности выступает *валентность* (соотношение позитивных и негативных оценочных компонентов) *этнических авто- и гетеростереотипов*⁴. Под автостереотипом понимается совокупность атрибутивных признаков о действительных или воображаемых специфических чертах собственной этнической группы, под *гетеростереотипом* – совокупность атрибутивных признаков о свойствах других этнических групп.

Степень проявления позитивности автостереотипов и гетеростереотипов измерялась нами с помощью модифицированного метода стереотипов⁵. Респондентам – армянам, азербайджанцам, чеченцам – предлагалось назвать 6 определений, характерных для представителей своего народа (соответственно армянского, азербайджанского или чеченского) и другого – русского. Русским респондентам также предлагалось назвать 6 определений, характерных для представителей «своей» этнической общности (ингруппы) и «чужой» (аутгруппы). Для оценки аутгруппы была предложена более широкая общность «выходцы с Кавказа», так как данные пилотажного исследования показали, что русские Саратовской области в большинстве своем не видят различий между азербайджанцами, армянами или другими представителями кавказских этносов, не дифференцируют их в своем сознании и, как правило, объединяют в одну группу «кавказцы».

Названные респондентами в ходе интервьюирования характеристики «своей» и «чужой» группы затем распределялись в соответствии со степенью позитивности оценочных компонентов данных характеристик в следующие группы: все позитивные; больше позитивных, нежели негативных; позитивных и негативных характеристик поровну; больше негативных, нежели позитивных; все негативные. Первая и последняя группы представляют собой своеобразные полюса отношения к ингруппе и аутгруппе. Положительный полюс определяет высокую степень принятия респондентами той или иной характеризуемой этнической группы, отрицательный полюс – ее неприятия.

Проанализируем полученные в ходе нашего исследования автостереотипы (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение позитивных и негативных оценочных компонентов автостереотипов*

Характеристики этнической группы	Армяне		Азербайджанцы		Чеченцы		Русские	
	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %
Все позитивные	50	70,4	56	83,5	39	67,3	21	31,3
Позитивных больше, чем негативных	9	12,7	4	6,0	9	15,5	10	14,9
Позитивных и негативных поровну	11	15,5	6	9,0	10	17,2	22	32,8
Негативных больше, чем позитивных	0	0	0	0	0	0	8	12,0
Все негативные	1	1,4	1	1,5	0	0	6	9,0
Итого	71	100	67	100	58	100,0	67	100,0
Среднее значение	1,5**		1,3**		1,5**		2,5**	

* Различия значимы при $\chi^2=64,08, p<0,001$.

** Различия между средними значениями значимы при $p<0,01$.

По данным, приведенным в табл. 1, видно, что в *автостереотипах* выходцев из Кавказа отмечается явное доминирование позитивных черт и характеристик над негативными, чего не скажешь об автостереотипах русских. Процент армян, азербайджанцев и чеченцев, охарактеризовавших свою этническую группу с исключительно положительной стороны (соответственно 70,4; 83,5 и 67,3 %), значительно выше, чем аналогичный процент у русских (31,3 %).

Среди выходцев из кавказского региона практически нет таких лиц, ответы которых содержали бы все негативные или в основном негативные характеристики своей этнической группы. Среди русских же такие ответы оказались у каждого пятого респондента (21%). По-видимому, для пятой части опрошенного русского населения характерно определенное неприятие своего этноса или негативная этническая идентичность. Чаще всего этими респондентами отмечались такие негативные характеристики, присущие, с их точки зрения, русскому народу, как склонность к злоупотреблению алкоголем, лень, завистливость, жадность, безалаберность/безответственность, беспринципность/флюгерность. Возможно, отчасти, такое сверхкритичное отношение к своему народу объясняется тем, что этническая принадлежность для русских, проживающих в Саратовской области, где они составляют большинство, не столь значима по сравнению с азербайджанцами, армянами или чеченцами, выступающими в роли этнического меньшинства.

В связи с преобладанием позитивных оценочных компонентов над негативными в структуре автостереотипа представителей кавказских этносов, среднее значение по показателю валентности автостереотипов у них оказалось ниже, чем значение показателя у русских, т.е. стремится к положительному полюсу в большей степени, чем у русских.

Иными словами, представители исследуемых кавказских этносов, по сравнению с русскими, проявили более позитивное и благожелательное отношение к своему этносу. Среди выходцев из кавказского региона, в свою очередь, наивысшую степень принятия своего этноса продемонстрировали азербайджанцы.

Преобладание положительной ингрупповой самооценки у армян, азербайджанцев и чеченцев – это яркое подтверждение того, что у исследуемых нами представителей этносов развито чувство этнической общности; в процессе их взаимодействия в иноэтническом окружении актуализированы психологические механизмы внутригрупповой суггестии, направленные на укрепление этнического самосознания группы и сохранение ее целостности как этнокультурного организма.

Что же касается валентности гетеростереотипов, то здесь картина несколько иная (табл. 2).

Как видно из данных, приведенных в табл. 2, в *гетеростереотипах* всех этнических групп появились негативные оценочные компоненты. У почти четвертой части армян (22,6%) и почти третьей части азербайджанцев (29,9%) и чеченцев (29,3%) негативные оценки в гетеростереотипах русских преобладают над позитивными, т.е. образы аутгруппы оказались менее позитивными по сравнению с образами ингруппы.

Русские, так же как по отношению к своей этнической группе, оказались достаточно критичными и по отношению к представителям кавказских этносов. Мы видим, что среди них ниже процент лиц, в ответах которых характеристики выходцев с Кавказа были оценены как все позитивные или в большинстве своем позитивные (в сумме 31,1%), по сравнению с аналогичным процентом среди армян и азербайджанцев. Армяне дали все позитивные или в большинстве своем позитивные характеристики аутгруппе

Таблица 2

Соотношение позитивных и негативных оценочных компонентов гетеростереотипов*

Характеристики этнической группы	Армяне		Азербайджанцы		Чеченцы		Русские	
	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %
Все позитивные	23	32,4	21	31,3	13	22,4	12	17,9
Позитивных больше, чем негативных	16	22,5	9	13,4	4	6,9	9	13,4
Позитивных и негативных поровну	16	22,5	17	25,4	24	41,4	22	32,8
Негативных больше, чем позитивных	4	5,7	5	7,5	5	8,6	18	26,9
Все негативные	12	16,9	15	22,4	12	20,7	6	9,0
Итого	71	100	67	100	58	100	67	100
Среднее значение	2,56*		2,76**		2,98**		2,96**	

* Различия значимы: $\chi^2=34,19$ при $p<0,001$.** Различия средних значений значимы при $p<0,05$.

(русским) в 54,9% случаев, азербайджанцы – в 44,4%. Следовательно, уровень позитивности в оценочных компонентах азербайджанских и особенно армянских гетеростереотипов русских в определенной степени превышает уровень позитивности соответствующих компонентов у русских в гетеростереотипах выходцев из Кавказа. В этом, на наш взгляд, проявляется стремление определенной части азербайджанцев и армян к сближению с русскими в большей мере, чем самих русских, а также чеченцев.

У чеченцев же процент преобладающего положительного отношения к представителям русского этноса ниже по сравнению с армянами и азербайджанцами, но практически такой же, как у русских по отношению к представителям кавказских этносов, и равен 29,3%.

Мы видим также, что среднее значение гетеростереотипа в группе русских достаточно высокое, т.е. стремящееся к негативному полюсу, особенно по сравнению со средним значением в группе армян ($p<0,05$). Тем не менее доля лиц, оценивших представителей кавказских этносов с исключительно негативной стороны, среди русских равна 9%, тогда как доля лиц, оценивших русских с исключительно негативной стороны, среди армян, азербайджанцев и чеченцев составляет соответственно 16,9, 22,4, 20,7%. Таким образом, среди представителей кавказских этносов чаще встречаются лица, у которых имеются резко полярные стереотипы «русского человека»: либо позитивные, либо негативные.

В восприятии русскими выходцев из кавказского региона присутствуют негативные характеристики, которые, чаще всего, являются навязанными СМИ и принятыми «извне», нежели сформированными на основе личного опыта. Причем, как показывают данные интервьюирования, русские испытывают при этом специфический

комплекс неполноценности, неспособности конкурировать с этническими группами в жесткой борьбе за материальные блага. Недаром, в оценке русскими представителей кавказских этносов подчеркивались характеристики как с негативной (грубость, наглость, агрессивность и пр.), так и с позитивной окраской (сплоченность, ответственность и взаимовыручка, традиционность и др.), которые, с точки зрения русских, свидетельствовали о большей приспособленности выходцев из кавказского региона к современным условиям развития так называемой «рыночной экономики».

На наш взгляд, приписывание русским негативных характеристик представителями кавказских народов является, в свою очередь, ответной реакцией на достаточно «прохладное» отношение к выходцам из кавказского региона, существующее у русских респондентов. В неблагоприятных условиях межэтнического взаимодействия, межэтнической интолерантности, как известно, происходит естественная активизация защитных механизмов социальной перцепции, направленных на внутрigrупповое сплочение с целью сохранения своей индивидуальности и повышения ее позитивности любыми способами: от завышения оценки своей группы до занижения оценки аутгруппы⁶.

Чувства, испытываемые респондентами от осознания своей этнической принадлежности. В кросскультурной психологии известно, что на межгрупповые установки влияют не только и не столько стереотипы, сколько чувства, связанные с ингрупповой принадлежностью. Характер чувств, испытываемых по отношению к собственной этнической группе, и их изменения отражают динамику образа группы с точки зрения привлекательности – непривлекательности и не могут не влиять на взаимоотношения с другими этническими группами.

Какие же эмоции и чувства от осознания своей этнической принадлежности испытывают представители различных этносов, проживающих на территории такого поликультурного региона, как Саратовская область?

Дадим сравнительный анализ чувств, связанных с этничностью, представителей кавказских этносов: азербайджанцев, армян и чеченцев, а также представителей коренного русского населения (табл. 3).

Таблица 3

Чувства, которые вызывает принадлежность к своему народу

Чувства	Русские		Армяне		Азербайджанцы		Чеченцы	
	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %
Ущемленность, униженность	2	3,0	2	2,8	0	0	3	5,2
Стыд	4	6,0	2	2,8	1	1,5	1	1,7
Вина	0	0	2	2,8	1	1,5	2	3,5
Никаких чувств	17	25,4	9	12,7	10	14,9	6	10,3
Уверенность	9	13,4	21	29,6	25	37,3	9	15,5
Гордость	31	46,2	34	47,9	28	41,8	33	56,9
Превосходство	4	6,0	1	1,4	2	3,0	4	6,9
Итого	67	100,0	71	100,0	67	100,0	58	100,0

Отметим, что у подавляющего большинства представителей всех исследуемых нами групп преобладают по отношению к собственной этнической группе позитивные чувства: гордость, спокойная уверенность (табл. 3). Наибольшая доля респондентов, позитивно оценивших свою этническую группу, оказалась среди азербайджанцев (79 %), наименьшая – среди русских (60%). Значительный процент респондентов, особенно среди русских, ответили, что не испытывают никаких чувств или затруднились выразить свои чувства, связанные со своей этнической принадлежностью. Это свидетельствует о том, что для русских, проживающих на основной территории расселения своего этноса, этническая принадлежность не столь актуализирована по сравнению с азербайджанцами, армянами или чеченцами, поселившимися за пределами своего основного этнического массива. Доля негативных чувств: вины, обиды, стыда и т.п., во всех исследуемых группах невелика и колеблется от 3% у азербайджанцев до 10% у чеченцев, что позволяет говорить о сохранении и поддержании выходцами из кавказского региона позитивной этнической идентичности в инокультурном окружении.

В процессе интервьюирования респондентам был задан также такой вопрос: «В последнее время в печати, по телевидению говорят о так называемых «лицах кавказской национальности». Что Вы чувствуете, когда слышите эту фразу?» Среди выходцев из кавказского региона наиболее часто назывались такие чувства как обида, униженность, озлобленность. Они ругали средства массовой информации за использование данного клише, которое приобрело устойчиво-негативный характер: «Есть люди хорошие и плохие в каждом народе. Почему же, когда совершают преступления русские, о национальности преступников не упоминают, если же правонарушители – выходцы из Кавказа, обязательно скажут «лицо кавказской

национальности»? Почему из-за каких-то «отморозков» тень на целые народы падает?». Немало респондентов отмечали, что «раньше очень обижались, все время хотелось оправдываться непонятно за что, непонятно перед кем, потом стало все равно». Ответы «ничего не чувствую» или «равнодушие» наиболее характерны для представителей азербайджанской диаспоры.

Каждый шестой армянин и каждый пятый русский, принявшие участие в нашем опросе, связали с фразой «лица кавказской национальности» такие чувства как неопределенность и нестабильность положения. Это означает, что шестая часть проживающих в иноэтничном окружении армян испытывает неуверенность, вызванную принадлежностью к «лицам кавказской национальности». Что же касается русского этноса, то следует признать, что его пятая часть относится к такой группе, которая, на наш взгляд, в ситуации социальной нестабильности может «качнуться» в сторону негативного отношения к представителям кавказских этносов, в том числе и негативно-агрессивного. Так, чувства ненависти и злости возникают более чем у пятой части опрошенного русского населения (22%), когда они слышат в средствах массовой информации эту фразу. Такие же чувства отмечали у себя и представители чеченского этноса. Возможно, данный факт можно объяснить тем, что опрошенные нами чеченцы как никто другой испытали и продолжают испытывать унижения и оскорбления только из-за своей принадлежности к так называемым «лицам кавказской национальности». Причем, понятие «лицо кавказской национальности» стало обозначать не столько принадлежность к некоей территориально-этнической группе, сколько выступать в качестве маркера принадлежности к криминально-террористической общности. Похоже, что распространившиеся в ходе военных действий в Чечне античеченские настроения

получили обобщенное выражение в неприятии кавказцев вообще (причем, вытесняющем даже синдром антисемитизма)⁷.

Как видим, «навешивание» на представителей кавказских этносов ярлыка «лица кавказской национальности», имеющего в некоторых случаях значения «преступник, «террорист»», нежели обозначающий территориально-этническую принадлежность, не способствует позитивному настрою и налаживанию взаимопонимания между контактирующими этносами. Скорее всего, наоборот, приводит к формированию интолерантности, установок на национальный эгоизм и разделение по этническому и религиозному признаку.

С целью уменьшения фактора социальной желательности мы включили в арсенал психодиагностических средств Цветовой тест отношений (ЦТО), позволяющий выявить содержание системы отношений респондентов к значимым для нашего исследования понятиям не только на осознаваемом, но и на бессознательном уровне, и тем самым выявить степень сходства или расхождения между вербальными и цветовыми характеристиками отношений личности⁸.

В процессе исследования респондента просили подобрать какой-нибудь один подходящий цвет к различным понятиям, в том числе и к таким, как «русские», «азербайджанцы», «армяне», «чеченцы». После завершения ассоциативной процедуры цвета ранжировались в порядке убывания значимости, начиная с самого «красивого, приятного для глаза» и кончая «самым некрасивым, неприятным». В результате, чем выше уровень эмоциональной привлекательности, близости, симпатии в отношении респондента к тому или иному стимулу, тем с более предпочитаемым цветом он ассоциируется. Напротив, отвергаемый стимул ассоциируется с цветами, получившими наименьшие ранги в индивидуальной цветовой раскладке.

Согласно полученным результатам, понятия «армяне», «азербайджанцы», «чеченцы» ассоциировались респондентами, независимо от их этнической принадлежности (за исключением тех, кто сам принадлежал к ассоциируемому этносу), с цветами, которые занимали последние ранги в их индивидуальных цветовых рядах предпочтений. Так, больше половины респондентов обозначали представителей других этносов цветами, которые занимали последние, седьмую или восьмую, позиции в их цветовых рядах, тогда как представители своего этноса ассоциировались с цветами, которые занимали наиболее предпочитаемые (первую – вторую) позиции в их цветовых предпочтениях.

Данные ЦТО показывают, что на неосознаваемом уровне у большей части респондентов выявлен достаточно низкий уровень эмоционального принятия, близости, симпатии к представителям исследуемых этнических групп. Причем, сами выходцы из кавказского региона обладают низким

уровнем аттракции к представителям соседних кавказских народов.

Возможно, существование негативных феноменов межгруппового восприятия между армянами и азербайджанцами частично объясняется влиянием того длинного шлейфа взаимных обид, претензий и конфликтов, которые уходят вглубь их исторического противостояния, а в последние годы еще и политически ангажированы.

На протекание негативных процессов социальной перцепции у армян и азербайджанцев по отношению к чеченцам, видимо, также повлияли подозрительность, недоверие, предубежденность, сформированные (не без участия средств массовой информации) и получившие широкое распространение в общественном сознании, особенно после военных событий в Чечне, террористических актов на территории РФ, имеющих так называемый «чеченский след». Тем не менее, это лишь частичное объяснение выявленного нами негативного отношения друг к другу между представителями родственных кавказских народов.

Основная же причина, на наш взгляд, кроется во все увеличивающейся плотности этнических контактов и возникающей в таких условиях этнической конкуренции.

На фоне негативного отношения к оцениваемым представителям кавказских этносов со стороны всех респондентов, в том числе и самих «кавказцев», присутствует положительная оценка русского населения. Иными словами, данные ЦТО на неосознаваемом уровне подтвердили ту позитивную оценку местного русского населения со стороны выходцев из кавказского региона, полученную на осознаваемом вербальном уровне. Таким образом, в данном случае мы наблюдаем отсутствие ярко выраженной предубежденности по отношению к русскому населению Саратовской области, что может выступать в качестве основы для формирования позитивных установок на сотрудничество и взаимопонимание, и тем самым толерантности во взаимоотношениях.

Установки на межэтническое взаимодействие. В условиях приспособления к новым обстоятельствам жизнедеятельности особую значимость приобретает отражение мигрантами системы межэтнических отношений, выражающееся в интрагрупповых и аутогрупповых установочных образованиях. Межэтнические установки представителей разных этнических групп изучались с помощью модифицированного варианта методики «Типы этнической идентичности» С.В.Рыжовой и Г.У.Солдатовой⁹, согласно которой степень их проявления определялась путем анализа следующих индикаторов-утверждений: «трудно уживаются с людьми своей национальности» (этнонигилизм); «никогда серьезно не относились к межнациональным проблемам» (этническая индифферентность); «готовы иметь дело с представителями любого народа, несмотря на расовые и национальные

различия» (позитивная этническая идентичность); «раздражаются при близком общении с людьми других национальностей» (этноэгоизм); «считают, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности» (этноизоляционизм); «считают, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа» (национальный фанатизм).

Проанализируем полученные результаты по каждому из выделенных индикаторов. Стремление к этноизоляции в большей степени проявилось среди респондентов чеченского (35%) и русского (34%) этносов, в несколько меньшей – среди респондентов армянского этноса (27%). Среди азербайджанцев меньше всего оказалось лиц (21%), которые отнесли себя к людям, уверенным в том, что «*настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности*» (различия в ответах значимы по критерию Пирсона: $\chi^2 = 26,21$ при $p < 0,01$). Наличие среди азербайджанцев наименьшей доли лиц, проявляющих **этноизоляционные** установки, на наш взгляд, объясняется тем, что многие из опрошенных нами азербайджанцев принадлежат к так называемым «торговым меньшинствам», не один год занимаются предпринимательством и стремятся во что бы то ни стало сохранить занятую ими социально-экономическую нишу, интегрироваться в российское общество (некоторые из них имеют российское гражданство, постоянную прописку), а поэтому и проявляют более высокий уровень стремления к интеграции по сравнению, например, с чеченцами, которые открыто демонстрируют установки на отъезд на свою этническую родину – в Чеченскую Республику.

Повышенные по сравнению с остальными представителями исследуемых кавказских народов установки чеченцев на этноизоляционизм – это не только и не столько проявление убежденности в превосходстве своего народа, выразившееся в неприятии дружеских (и брачных) межнациональных союзов. Это также и ответная реакция на существующий в обыденном сознании, как правило, негативный стереотип чеченцев. Такой усугубленный военными действиями в Чечне стереотип часто проявляется в осторожно-отстраненном, а порой и враждебно-агрессивном отношении к ним со стороны коренных жителей Саратовской области, что не может не толкать чеченцев, в свою очередь, к изоляции.

Среди представителей чеченского этноса обнаружена также **большая доля лиц, проявивших установки на национальный фанатизм** в ситуации межэтнического взаимодействия. Так, с утверждением о том, что *любые средства хороши для отстаивания благополучия своего народа*, чаще всего соглашались чеченцы (45%), затем – русские (36%), армяне (32%) и азербайджанцы (31%) ($\chi^2 = 38,70$ при $p < 0,001$). Следует отметить, что при этом чеченцы нередко добавляли: «Особенно в тех случаях ... когда твой народ подверга-

ют гонениям», «... когда по отношению к твоему народу используют политику геноцида» и т.п.

В то же время, по сравнению с представителями кавказских этносов, в том числе и по сравнению с чеченцами, среди русских больше всего проявились установки по типу национального фанатизма при оценке такого суждения, как «*лиц других национальностей следует ограничивать в праве проживания на территории их страны (республики)*». Среди русских 48% отнесли себя к таким лицам, в то время как среди армян этот показатель ниже, чем в два раза, и равен 21%, среди азербайджанцев – 19% и еще ниже он среди чеченцев – 19%.

Видимо, повышенное проявление национального фанатизма у русских в этом случае обусловлено их стремлением к доминированию на своей этнической территории. В то время как более низкие показатели проявления данной тенденции у выходцев из кавказского региона, возможно, объясняются тем, что они сами как раз и являются людьми других национальностей, которые проживают за пределами своих государственных (или административных) образований. Таким образом, соглашаясь с утверждением о том, что людей другой национальности следует ограничивать в праве проживания на территориях других государств, они вынуждены будут отнестись подобные ограничения и по отношению к самим себе.

В то же время наряду с проявлением таких установок, как этноизоляционизм и национальный фанатизм, абсолютное большинство наших респондентов демонстрирует также проявление позитивной этнической идентичности или идентичности по типу «нормы», которая предполагает сочетание естественного предпочтения собственных этнокультурных ценностей с позитивным отношением к другим этническим группам. Так, при оценке суждения, служащего индикатором данного типа идентичности «*Я отношусь к людям, которые готовы иметь дело с представителями любого народа, несмотря на расовые и национальные различия*», этнические установки по типу «нормы» в нашем исследовании чаще проявили представители армянского этноса (92%). К категории людей, для которых характерно положительное отношение к людям других национальностей и позитивные установки на взаимодействие с ними, отнесли себя также свыше 80% опрошенных азербайджанцев и чеченцев и в пределах 75% – русских.

У представителей всех этнических групп наиболее слабо, согласно полученным данным, выражены установки по типу **этнонигилизма**. Так, только 13% русских, 17% армян, 8% азербайджанцев и 19% чеченцев выразили свое частичное согласие, а также затруднились с ответом при оценке суждения «*Я отношусь к людям, которые трудно уживаются с людьми своей национальности*».

Этноиндифферентные установки проявились в большей степени, нежели этнонигилистические у всех респондентов независимо от их этнической принадлежности. Оценивая суждение, выступающее в роли индикатора именно таких установок «Я отношусь к людям, которые никогда серьезно не относились к межнациональным проблемам», мы получили следующие данные. Наибольшая доля этноиндифферентных обнаружена среди русских (42%), меньшая – среди азербайджанцев (33%) и чеченцев (33%) и наименьшая – среди армян (28,%) ($\chi^2 = 28,70$ при $p < 0,01$).

Итак, на основе анализа показателей степени выраженности этнической идентичности жителей Саратовской области можно сказать, что для абсолютного большинства представителей четырех контактирующих этнических групп характерна позитивная идентичность или идентичность по типу «нормы». В ее структуре позитивный образ собственной этнической группы соотносится с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам. Иными словами, позитивная этническая идентичность – это определенный баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы, а с другой – как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом мире¹⁰. В то же время значительная часть респондентов (количественный показатель в разных этнических группах колеблется в широких пределах: от 25% до 65%) одновременно демонстрирует установки на этноизоляциялизм, этноэгоизм или национальный фанатизм. Особенную озабоченность должен вызывать тот факт, что большая доля респондентов, в том числе примерно половина русских, продемонстрировали тенденции национального фанатизма.

Известно, что национальный фанатизм является крайней формой проявления этнической идентичности и свидетельствует о высоком уровне межэтнической напряженности и интолерантности, о готовности идти на любые действия во имя этнических интересов, вплоть до этнических «чисток», отказе в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями представителям других народов, признания приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдания любых жертв в борьбе за благополучие своего народа.

Полученные результаты не следует игнорировать в условиях социально-экономической нестабильности общества и актуальности национальных проблем, особенно в поликультурных регионах России, к которым относится и Саратовское Поволжье.

Проведенный анализ результатов эмпирического исследования позволяет сделать следующее *заключение*.

Этническая идентичность – это составная часть социальной идентичности, результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этнической общности, определенная степень отождествления с ней и отделения от других этнических общностей. Этническая идентичность – это также оценка, значимость членства в ней, разделяемые этнические чувства. Позитивные различия в пользу своей группы дают ее членам высокий субъективный статус или престиж и вследствие этого позитивную социальную (или этническую) идентичность.

В норме человеку присуща позитивная этническая идентичность, включающая как позитивный образ «своей» этнической группы, так и позитивное, уважительное отношение к членам «чужой» этнической группы.

Наличие негативных установок к собственной этнической общности, чувство униженности, предпочтение других групп в качестве референтных – это свидетельство кризиса этнической идентичности. В ситуации утраты позитивности (кризиса) этнической идентичности человек будет стремиться восстановить позитивную идентичность любыми способами: от изменения сложившегося статус-кво группы в более благоприятную сторону, до размежевания со своей группой психологически – «разотождествления» себя и своего этноса, вплоть до размежевания с ним физически и перехода в другую, имеющую более высокий статус, этническую группу. Иными словами, человеку чрезвычайно важно ощущать себя частью определенной этнической общности. Он испытывает органичную потребность в безопасности этнической идентичности.

Особенно остро эта проблема стоит перед этническими меньшинствами и этническими мигрантами в любой стране, в том числе и в РФ. Уже сам факт переезда в иноэтническое окружение, с иной социальной структурой и организацией, отсутствием традиционных и неформальных страхующих институтов автоматически снижает уровень как социальной, так и психологической защищенности практически для всех категорий этнических мигрантов.

В ответ на угрозу безопасности может происходить усиление этнической идентичности (гиперидентичность) мигранта в различных формах: этнический эгоизм, этнический изоляционизм, национальный фанатизм, которые сопровождаются этноцентристскими стереотипами, предубеждениями к представителям доминирующего (и дискриминирующего) большинства, уклонением от тесного взаимодействия с ними и в итоге интолерантностью в межэтническом взаимодействии. В то же время, позитивная этническая идентичность как одна из важнейших составных частей социальной идентичности ведет к позитивным последствиям: приобретению целостности Я-образа и налаживанию связей с новой культурой, а следовательно, к внутренней гармонии и психоло-

гической удовлетворенности мигрантов в новом социокультурном контексте, что в свою очередь выступает важнейшим условием вхождения личности в новую социокультурную среду и одновременно показателем успешности/неуспешности их социально-психологической адаптации.

Примечания

- ¹ Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1999.
- ² Tajfel H. Social Identity and intergroup relations. Cambridge; P., 1982.
- ³ Пядухов Г.А. Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегии поведения. Пенза, 2003. С. 13.

- ⁴ Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
- ⁵ Katz D., Braly K. Racial stereotypes in one hundred college students // J. of Abnormal and Social Psychology. 1933. №28. P.280-290.
- ⁶ Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1998.
- ⁷ Сикевиц З.В. Расколотое сознание: Этносоциологические очерки. СПб., 1996.
- ⁸ Общая психодиагностика / Под ред. А.А.Бодалева, В.В.Столина. М., 1987.
- ⁹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
- ¹⁰ Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.

УДК 159.947.23

ТРАДИЦИИ НАУЧНОГО ОСОЗНАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУКТА, ФЕНОМЕНА И НОУМЕНА

Т.Д. Калистратова, П.Ю.Калистратов

Саратовский государственный университет,
кафедра психологии
E-mail: casusbelli05@mail.ru

Попытка дать научное определение понятию «ответственность» сопряжена с определёнными трудностями. Известно, что это понятие используется в разных науках: психологии, социологии, культурологии и др. При этом охватываемая им предметная область каждый раз меняется. Более того, в рамках различных психологических научных направлений по-разному очерчен объём этого понятия, установлено его содержание и структура.

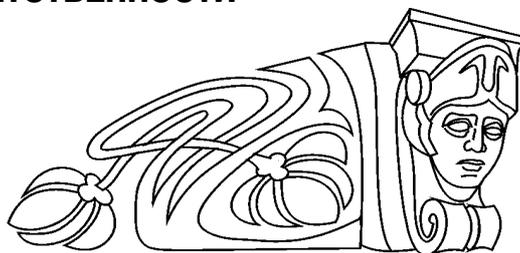
Tradition of Scientific Perception of Responsibility as a Psychological Construct, Phenomenon and Noumenon

T.D. Kalistratova, P.U. Kalistratov

Any attempt to give a scientific definition to the concept of responsibility entails certain difficulties. This concept is known to be used in different sciences (psychology, sociology, culturological theory etc.), the subject domain enveloped by it varying every time. Within the framework of various psychological leads the volume of this concept is outlined differently, its content and structure are established.

Понятие «ответственность» прочно вошло в категориальный аппарат психологической науки. Интерес к нему вполне закономерен, так как оно позволяет понять и описать широкий спектр индивидуальных особенностей поведения и проявлений личности и как нельзя лучше подходит для научного осознания целого ряда масштабных социально-психологических явлений.

Данное понятие представляется весьма важным как для обсуждения теоретических проблем психологического, социологического, философского,

кого, культурологического, юридического планов, так и для решения широкого круга прикладных, прежде всего, психологических задач, включая психодиагностические, консультационные, психотерапевтические и коррекционно-развивающие.

Широта креативного пространства при работе с понятием «ответственность» обусловлена, прежде всего, богатством его содержания и множественностью направлений использования этого понятия, исторически сложившихся в науке.

Традиции научного осознания ответственности как психологического конструкта, феномена и ноумена заложены Г. Ле Боном, Э. Дюркгеймом, И. Кантом, Ф. Ницше, Ж. Пиаже, Ж.-П. Сартром, В. Франклом, Х. Хекхаузенем и в разное время были продолжены Б.Г. Ананьевым, К.А. Абульхановой-Славской, Л. Берковицем, Д.Дж. Вогелем, Р.М. Галтоном, А.И. Голубевой, Н. Гоу, Л.И. Деметий, Р.Т.Де Джорджем, Т.Ф. Ивановой, П. Козловски, Л. Колбергом, Г.Б. Кошарной, А.Б. Купрейченко, А.С. Макаренко, Ф.Г. Майлёновой, К. Марксом, В.Н. Марковым, К. Муздыбаевым, Р.С. Немовым, А.И. Ореховским, А.В. Ремизовой, Ю.В. Синягиным, Л.С. Славиной, Г.В. Фартуховой, Ф. Хайдером, С. Шварцем и некоторыми другими исследователями.

Вместе с тем следует признать, что само понятие «ответственность» имеет в психологии размытый категориальный статус. Ответственность рассматривается как необходимая составляющая добродетельной жизни (Э. Дюркгейм); ресурс совладания с жизненными трудностями,